

НОВАЯ КНИГА ОТ АВТОРА КУЛЬТОВЫХ «МЕНТОВ»

АНДРЕЙ КИВИНОВ

ТРУДНО БЫТЬ МАЧО

ЗНАК КАЧЕСТВА

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА МЕНЯЮТСЯ,
ПРИНЦИПЫ – НИКОГДА!

смотри под обложкой

Андрей Кивинов

Трудно быть мачо

«Автор»

Кивинов А. В.

Трудно быть мачо / А. В. Кивинов — «Автор»,

ISBN 5-17-041434-X

Крупный строительный супермаркет «Планета-Хауз» оказывается в эпицентре криминальных событий. На этом взрывоопасном фоне разворачивается страстная любовь начальника службы безопасности и простой продавщицы. Их роман используют конкуренты, пытаясь заполучить такой лакомый кусок, как «Планета-Хауз». Чтобы добиться цели, эти люди не остановятся ни перед чем. И главный герой вынужден защищать не только свою любовь, но и жизнь. Если вам интересно, что скрывается за блестящими фасадами супермаркетов, обязательно прочитайте эту книгу!

ISBN 5-17-041434-X

© Кивинов А. В.

© Автор

Содержание

1995 год. Санкт-Петербург	5
2005 год. Санкт-Петербург	12
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Андрей Кивинов

Трудно быть мачо

Повесть основана на нереальных событиях.

Рекомендована Министерством культуры РФ для хорового чтения в семейном кругу. Принимать внутрь три раза в день после еды. Не вызывает побочных эффектов.

Возрастных ограничений нет.

1995 год. Санкт-Петербург

– Женька, давай, давай!!! Уходи! Ноги!!! Ноги!!!

– Отрывайся, отрывайся!

Все игроки, включая запасного вратаря, вскочили со скамейки и прижались к борту, наблюдая, как лидер команды Женька Моисеев, «обокрав» у синей линии зазевавшегося защитника, рванул в чужую зону.

– Сам делай! – проорал со скамейки капитан «южных» Паша Сочнев, провожая взглядом нападающего.

Женька и не собирался ждать подкрепления, фора в пару метров позволяла ему убежать и выйти один на один с вратарем. Левая «семерка» соперника, крепкий невысокий защитник, не уступавший в скорости иному нападающему, рванул наперерез, но все равно не успевал помешать Моисееву пообщаться с голкипером с глазу на глаз.

Женька не стал мудрить, бросив шайбу в «домик» между ног вратаря. Но тот успел пристесть, «резинка», кувыряясь, отскочила от щитков в поле. Женька тормознул возле штанги, с шумом резанув лед, развернулся, намереваясь добить шайбу. Но в эту секунду защитник, словно стенобитный таран врезался в Моисеева. От удара Женьку швырнуло на борт, он вскрикнул от боли и, согнувшись в пояснице, рухнул на лед. В принципе, от подобных столкновений игрок защищен амуницией, но «семерка» атаковал не корпусом, а «пикой» – торцом клюшки, причем явно умышленно. «Пика» прошла под плечо, где нет никакой защиты, кроме липучек нагрудника и ударила по ребрам. Мало того, защитник, якобы по инерции, опрокинулся на Женьку, мол, извините, я не хотел.

Но судья, не успевший домчаться до места событий на всякий случай свистнул и поднял руку.

– Ты чего творишь?! – нападающий «южных» Славка Чернаков подлетел к поднявшейся уже «семерке» и пихнул его на борт.

– Может, и ты хочешь?! – тот, оттолкнулся от борта и поднял правую руку для удара.

– Попробуй! Тоже мне, тофгай¹ хренов, – Славка бросил на лед клюшку, и скинул краги, что по хоккейным понятиям означало – вызов принят, и нападающий готов оставить пару автографов на лице защитника.

«Семерка» давно заслуживал хорошей зуботычины, всю игру он незаметно для судей грубил и «рубил» нападающих, хотя перед началом встречи было объявлено – матч проходит по ветеранским правилам, толкаться можно, но в меру, и в борт никого не печатать. А это не

¹ Тофгай – игрок хоккейной команды, в чьи функции входит оберегать звезд от силовых приемов соперника и участвовать в потасовках. В большей степени владеет приемами рукопашного боя, нежели клюшкой.

просто припечатал, да еще и «пушкой» добавил. Ладно, когда в азарте, нечаянно, но когда нарочно... За такое – в морду, непременно в морду!

Они успели обменяться парой ударов, но судьи прервали представление, растащив бойцов по разные стороны ворот под недовольные протесты зрителей. (Крови хотим, Крови! Убей его!) Остальные игроки обстреливали друг друга ругательствами,² но в коллективное шоу не вступали, помня о правовых последствиях.

– Оба – на пять минут! – главный рефери без раздумий указал на скамейку оштрафованных.

Один из судей и защитник «южных» склонились над Женькой, наверно, самым молодым игроком на площадке.

– Как ты?

– Он чего, охерел? – простонал тот, держась за ребра, – еле дышу...

Партнеры по звену помогли Моисееву подняться и, придерживая под руки, увезли за пределы площадки под жидкие аплодисменты публики.

– Жека, играть сможешь? – Сочнев положил ему руку на плечо.

– Не знаю... Отдышаться надо. Он «пушкой» меня, гад...

– Да мы видели.

Торопливо подошел стадионный врач на всякий случай дежуривший на игре. Велел Моисееву снять набухший от пота нагрудник. Он тоже видел эпизод столкновения и сразу понял, что могли пострадать ребра.

Так оно и оказалось.

– Вызывайте «Скорую»...

– Ни фиги ж себе! Ну, козел! – Сочнев бросил взгляд на скамейку штрафников, где уже отдыхала «семерка», – мало Славка ему врезал.

Игроки поддержали своего капитана. Кто-то потребовал от судьи удалить «семерку» до конца встречи, а то и возбудить уголовное дело по факту умышленного нанесения телесных повреждений средней тяжести. Судья, пошептавшись с помощником, согласно кивнул. Дело возбуждать не стал, но удалить – удалил. Присутствие на льду провинившегося защитника «северных» могло привести к цепной реакции, так лучше убрать его от греха подальше. Он подъехал к «семерке» и объявил вердикт. Игрок, выругавшись, отправился в раздевалку под свист чужих и одобрительное хлопанье своих болельщиков.

– Кто он, вообще, такой? – Сочнев повернулся к партнерам.

– Витька Щербина... Из районного ОНОНа,³ – ответил один из игроков, я с ним пересекался пару раз, – он и по жизни, говорят, такой резкий.

– Пусть он в сортире резким будет, а не на льду... Договорились же – без силовых... Пацана покалечил, урод...

– Я сейчас тоже в лобовую с «бубновым» пойду!

– А играть кто будет?

Сочнев вновь поднял глаза на табло. Третий период только начался, а команда осталась без основного забивающего игрока. К тому же они проигрывали одну шайбу, а без Моисеева шансов на победу почти не было, если только вратарь «северных» не уедет перекурить или пропустит «бабочку». Но пока не пускал, стоял уверенно и надежно. Да еще Чернакова удалили на пять минут. Совершенно не по делу. Придется перекраивать звенья.

– Миша, Олег, давайте на лед, – скомандовал он нападающим, – играем в два звена. Мужики, поборемся, поборемся...

– Тяжеловато, Паш. Уж не юниоры.

² Здесь и далее мат опускается в целях экономии бумаги.

³ ОНОН – отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. В настоящее время реорганизован.

– Водку надо меньше жрать и на тренировки ходить!

– А я водку не пью! Только коньяк...

Бороться было за что. На кону не какой-нибудь кубок ГУВД или переходящий картонный вымпел. Поездка в Монреаль на международный турнир полицейских команд по хоккею. Кот сегодня победит, тот и полетит за океан защищать честь питерской милиции. А что такое поездка в Канаду на целых две недели для рядового сотрудника? Да еще с женой? Да еще за чужой счет?! Мечта! Сказка! Халявная халява! Кто ж откажется? Даже, кто на коньки встал второй раз в жизни. Здесь действительно главное не победа, а именно участие. Пожить в Монреале, подышать импортным воздухом, попить местного пива и виски... Остаться, если понравится и финансового убежища попросить. Мол, в отечественной милиции не платят ни фига. Спасите.

И когда руководство отдало распоряжение подготовить пятнадцать достойных, умеющих обращаться с клюшкой, а не только с пивом, выяснилось, что в хоккей играют гораздо больше милиционеров, чем предполагалось. Только основных команд оказалось две. Одну спонсировал какой-то мясной магнат, сам в прошлом мент, вторую другой мизантроп, оплачивая лед, услуги тренера и накладные расходы. И играли бойцы не в дворовый хоккей. Некоторым когда-то довелось погонять шайбу и в командах мастеров, а тот же Моисеев окончил хоккейную школу «Спартак», но спортивной карьере предпочел милицмейскую.

После великого капиталистического переворота любительский хоккей держался в основном, на энтузиастах, регулярного чемпионата города среди профсоюзных команд не проводилось. Хорошо хоть иногда разыгрывались различные кубки. Обе «ментовские» команды регулярно заявлялись в таких турнирах и выглядели вполне достойно.

Сборную солянку из двух команд решили не создавать. Возникнут обиды, начнутся интриги, стрельба, поножовщина, короче, ментовские войны. Будем проще – кто победит в честном открытом поединке, тот и полетит за океан. В случае ничьей – серия буллитов. Игру проводили на катке СКА, пригласив профессиональных судей и ведомственную прессу. Курсантов милицмейских нагнали для массовки, шариков воздушных и флажков закупили. То есть хотели устроить спортивный праздник. Разумеется, пришли и болельщики, в основном родственники хоккеистов. Но праздника не получалось. Праздник, это когда на ящик пива играют, или на «ку-ка-ре-ку», а когда на Канаду... Тут уже праздник с синяками на руках. Чемпионат Японии по харакири и то спокойней.

Команды условно обозначили «Южными» и «Северными», как на армейских учениях. Играть мог любой аттестованный сотрудник, любого возраста и любого уровня мастерства. Самым младшим у «Южных», как уже упоминалось, был Женя Моисеев – милиционер вневедомственной охраны, самым опытным Паша Сочнев, сорокачетырехлетний следователь из следственного управления, в прошлом игравший за колпинский «Ижорец» – кузнецу кадров для питерского хоккея. Он и руководил игрой – своего тренера, в отличие от «Северных», у «Южных» не имелось.

Это, впрочем, не особо сказывалось на поединке, команды были примерно равны по мастерству. И разница в одну шайбу ни о чем не говорила. Чистое невезение. «Южные» усилили натиск, минута-другая, и все встанет на свои места. И тогда в ход шли не совсем спортивные методы. Правда, не известно, по своей ли инициативе Щербина сломал Моисеева, или получил тренерскую установку. Ведь в случае победы, наставник тоже сможет посетить зал хоккейной славы в Канаде.

Примерно об этом же думал удаленный на пять минут Славка Чернаков, оперативник районного отдела по раскрытию убийств, крепкий невысокий мужик тридцати пяти лет от роду. Вернее, не думал, а просто мысленно матюгался, поливая и вражеского тренера и Щербину и судью, вынесшего несправедливый приговор. Пять минут команда будет биться вчетвером, да еще и в два звена. Самое обидное – «Северные» то остались в полном составе и

получили неплохой шанс уйти в отрыв. А две шайбы по такой игре отыграть проблематично. Хоть полет на марсианский турнир пообещай. Он, конечно, команду подвел, но не анекдот же Щербине было рассказывать.

«Жаль, этого ловкача выперли, я б ему показал, как крюком размахивать... Договорились же, по-людски играть...»

Слава снял шлем, старенькие, стертые до дыр краги, брошенным на скамье полотенцем вытер мокрое от пота лицо и короткий ежик волос. Мрачно уставился на поле. Судья уже выехал в круг, приглашая команды продолжить игру. Работник стадиона включил бодрую «Калинку», поднимая боевой дух игроков.

Вбрасывание. Треск клюшек. Рубка. «Такой хоккей нам не нужен», – сказал бы знаменитый комментатор. Нужен, нужен... После случившегося про джентльменский уговор можно забыть. Тут уже не за Канаду битва, а за принципы. Мотивация посерьезней.

«Северные» вошли в зону, заняли осадные позиции, разыгрывая шайбу до верного. Времени хватает, пять минут – не две, можно не суетиться. Но «Южные» довольно грамотно держали оборону, в итоге защитнику атакующей стороны пришлось щелкнуть от линии. Витька Сапожников бросился под шайбу, прикрыв крагой лицо. Каучуковый снаряд попал в щиток на ногу, выскочив из зоны. Можно перевести дух.

Слава облегченно выдохнул, посмотрел на табло. Еще четыре минуты держаться. А потом он покажет класс, благо отдохнет. Чернаков не играл в профессиональных клубах, но на коньках стоял с детства, хоккейная коробка находилась перед окнами родительского дома. Подавал надежды, знающие люди предлагали заняться спортом серьезно. После школы рубился за сборную техникума, но потом на некоторое время вынужденно повесил коньки на стену. Работа, семья, заботы, тут не до хоккея. Так, иногда катался с мальчишками в парке по замерзшему льду пруда. Коробка перед домом давно превратилась в заросший бурьяном пустырь, лед уже никто не заливал, а бортики растащили дачники.

Год назад от Сочнева случайно узнал о существовании команды. Купить новую форму на оперскую зарплату было нереально, пришлось доставать старую, бэушную. Но это Славу ничуть не смущало, главное, он снова, как в юности, мог выйти на площадку, рассекая лед, промчаться от ворот до ворот, от плеча врезаться по шайбе и получить порцию положительных эмоций. Даже если при этом получит порцию синяков от защитников.

А сегодня за удовольствие еще и неслабая награда светит. Покруче внеочередного звания. Слава никогда не бывал за границей, даже в доступной Турции, а чтоб сразу в Канаду... Воплотить мечту детства – сходить на матч Национальной хоккейной лиги! Заглянуть в зал хоккейной славы, да и вообще забугорье увидеть не по телику, а в живую. За такое костыли ляжешь.

Примерно так же рассуждали и все остальные. И «северные» мужики и Моисеев и Паша Сочнев. Но Канада, Канадой, а играть то надо по правилам! Слава тоже знал пару-тройку качественных приемов, от которых не спасла бы защитная экипировка. Но зачем же своих калечить?! Под одной крышей служим, одно дело делаем! Ну, иногда – два.

Только Щербина, видимо, чего-то не догонял. Придется после игры с ним потолковать, подрехтовать мозговую косточку.

Еще минута позади. Мужики держатся, молодцы. «Северные» наседают все активнее. Паша поменял звено, вышел сам. Моисеева явно не хватало, он один оттягивал на себя обоих защитников.

«Держитесь, держитесь... Я сейчас, я скоро...»

Еще одна стычка возле борта. Судья остановил время, но удалять никого не стал, пожалев «Южных». «Калинка». Вбрасывание.

– Пятак!!! Пятак!!! – Чернаков вскочил со скамейки, увидев, что нападающий «Северных» совершенно спокойно пасется перед вратарем.

Сочнев, услышав крик, едва успел перекрыть зону. Чувствовалось, Паше не хватало дышалки – возраст, плюс последствия обильного потребления никотина и фаст-фуда.

Чернаков, в отличие от него не курил, хотя в «убойном» отделе волей-неволей втянешься. Да и до этого, на «территории» держался, единственный, кстати, среди оперсостава.

В милицию Слава попал, в общем-то, случайно. Как он любил говорить: «Напился – уснул – забрали и до сих пор не отпускают». На самом деле, окончив машиностроительный техникум, он распределился в НИИ, где должен был отпахать четыре обязательных года. Армия не грозила, «терем» имел военную кафедру, и вместе с дипломом учащийся получал зеленые корочки офицера запаса. После техникума сразу поступил на заочное в институт. И изменять отечественному машиностроению не помышлял. Но при окладе в сто десять рублей по тогдашнему курсу измена тебя сама найдет. Особенно, когда надо кормить молодую жену и годовалого ребенка. Слава женился рано, едва закончил техникум. Жить переехали к нему.

Как-то встретился со школьным приятелем, чей батя имел какое-то отношение к милиции. Приятель и предложил сменить профиль.

– Ты знаешь, сколько там лейтеха сраный получает? Двести двадцать! Где ты сейчас такие бабки поимеешь?!

Органы, в то время партией и правительством финансировались щедро, не то, что теперь. Ведущий инженер с двадцатилетним стажем в Славкином НИИ зарабатывал всего сто пятьдесят рэ в месяц. И никаких перспектив. А тут сразу двести двадцать. Плюс всякие льготы и премиальные. Плюс концерт на день милиции.

– Иди опером, а лучше участковым, – продолжал агитировать приятель, – еще и хату получишь служебную.

– А меня возьмут?

– А почему нет? Там с кадрами дефицит. А у тебя незаконченное высшее образование, офицерское звание, прописка питерская. Больше ничего и не надо. Ну еще, чтоб судимостей не было. Не успел заработать?

– Тьфу-тьфу...

– Ну и все. Иди и не парься.

– А сам то чего не идешь?

– Батя не пускает... Фарцуешь, говорит, вот и фарцуй спокойно...

Посоветовавшись с молодой супругой, Слава решил, что отечественное машиностроение без него вполне обойдется. Если уж совсем откровенно, то оно интересовало его, прежде всего, из-за техникумовской военной кафедры, освобождавшей от запаха портянок лучше французского дезодоранта. А теперь можно отдать долг Родине на другой службе.

На следующий день он уже сидел в отделе кадров ближайшего РУВД. Написал заявление. «Хочу быть в первых рядах борцов с преступностью и получать за это деньги и звания». Выбрал уголовный розыск. Прошел медицинскую комиссию и получил направление на четырехмесячные подготовительные курсы в Пушкин. Институт не бросил, высшее образование, хоть и техническое, никогда не помешает. Потом семь лет в территориальном отделе и два года в «убойном». Кое-как защитил диплом, получил заветные корочки и «ромбик» на китель, что, правда, не сказалось на зарплате. Сейчас он носил на погонах капитанские звездочки и особо не жалел, что в свое время сменил род деятельности. Хотя финансовое обеспечение с годами практически сошло на нет.

Слава надел шлем, встал со скамьи подсудимых, тьфу ты – штрафников, хотя еще сидеть и сидеть. Целых две минуты. Много по хоккейным меркам... Просто не мог усидеть.

«Южные» пропустили за пятнадцать секунд до его выхода на лед. Вратарь отбил очередной шелчок, но нападающий успел на добивание. Такие шайбы самые обидные.

До конца игры оставалось еще восемь с половиной минут, вполне хватит, чтобы отыгаться, но настроение на скамейке заметно упало. Сочнев подбадривал своих как мог, рисуя

радушные картинки североамериканской действительности. «Пиво там мировое, пиво!» Чернаков, «вдохновленный» собственным удалением, ринулся за шайбой как студент за стипендией. Пару раз его болезненно встречали защитники, но за три минуты до финальной сирены ему удалось проскочить вдоль борта, крутануть «улитку»⁴ и откинуть шайбу на «пяточок». Летевший по центру Витек Федоров пробил сходу. Наверно, в девяносто девяти случаях из ста он бы промазал, но сейчас шайба просвистела над правым плечом вратаря и, зацепив штангу, врезалась в сетку. Трибуны восторженно захлопали.

– Давайте, мужички, давайте... Они уже еле бегают... Дождем, – Паша призывал своих снова идти в атаку.

Чернаков сел на скамью, перевел дух, посмотрел на секундомер. Две минуты будет биться Пашино звено, минута останется ему.

Ничего, сравняем. Сравняем! Чтоб знали, как ребра ломать!

Моисеева еще не увезли в больницу, врач увел его в свой кабинет, сделал обезболивающий укол и велел лечь, но Женька вернулся на скамейку и следил за игрой.

«Северные» не рисковали, рассчитывая удержать победный счет. Ушли в глухую оборону, играя на отбой. Взломать оборону при такой тактике, все равно, что Измаил взять голыми руками и без Суворова.

Паша бросил от линии, но промазал. Защитник подхватил шайбу и выбросил из зоны. Судья свистнул, фиксируя проброс. Оставалось пятьдесят пять секунд. Сочнев вернулся на скамейку.

– Слава, сделай их... Главное, вбрасывание выиграй, мы Ваньку заменим.

– Не вопрос, Паш...

Сочнев помахал вратарю, предупреждая, чтобы тот вовремя покинул площадку, уступив место шестому полевому игроку.

«Калинка». Чернаков встал на точку. Соперник нервничал, держа клюшку на весу, чтобы после вбрасывания шайбы нанести удар сверху не по шайбе, а по крюку оппонента.

– Клюшку на лед! – судья заметил нарушение.

Нападающий нехотя опустил перо на лед.

Шайба плюхнулась в центр круга, Чернаков попытался откинуть ее назад защитнику, но угодил в конек противника. Треск, сломанное перо отлетело к бортику. По правилам, игра не останавливалась, игрок должен заменить клюшку или смениться сам. Но вместо того, чтобы броситься к своей скамейке, охваченный азартом Славка метнулся к шайбе, пытаясь коньком, по футбольному откинуть ее партнерам. Сочнев заорал, приказывая Чернакову смениться, но тот продолжал биться «безоружным», не отдавая шайбу сопернику. В итоге, прижал ее к борту, но потерял еще десять драгоценных секунд.

Взял запасной «инструмент», вновь встал на точку. На сей раз ему удалось выиграть вбрасывание, шайба отскочила к своему. Ванька метнулся к скамейке. Шестой игрок прыгнул через борт и помчался в чужую зону.

Двадцать секунд! Трибуны свистели и топали. Болельщики «Северных» завели обратный отсчет. Девять, восемь, семь...

Витка пошел напролом, освободился от опеки, без замаха, кистевым бросил шайбу. Вратарь среагировал, отбив ее «блином». Чернаков ласточкой прыгнул вперед, рассчитывая добить ее словно бильярдным кием, но не дотянулся.

Три, две, одна...

Сирена.

Обессиливший Славка остался лежать, прижимая горячее лицо ко льду. Обидно, как обидно... Они же сильнее, они же бились честно...

⁴ «Улитка» – крутой вираж на коньках.

«Северные» бросились обниматься. «Здравствуй, Монреаль!»

Команды выстроились на рукопожатие. Щербина на лед не вышел.

В раздевалке «южные» выпустили пар. Ток-шоу на тему «Ненормативная лексика как средство для снятия стресса». Витька даже потребовал провести анализ на допинг, мол, соперник играл на «батареях». Искали причины поражения, требовали переигровки, короче, сотрясали пропитанный потом воздух. Настроение – домкратом не поднять. Про Канаду даже не вспоминали, хотелось просто доказать, что они сильнее. Сочнев, зашедший в раздевалку последним, стянул свитер, швырнул его в сумку и мрачно бросил:

– Кончайте, мужики... Мы, может, и сильнее... Но счет на табло. Мы проиграли.

На выходе со стадиона Чернаков хотел дождаться Щербину, чтобы объяснить, чей кун-фу лучше, но тот уехал раньше, предчувствуя неприятный разговор и возможную стычку. Вахтер сказал, что Щербина сел в машину прямо в хоккейной форме, даже не сняв шлем и краги.

– Козел-л-л!

Славка плюнул на клумбу и, взвалив на плечо тяжелую сумку, побрел на остановку.

2005 год. Санкт-Петербург

«Новый год к нам мчится, скоро все случится...»

«Сможем мы напиться...»

Последнюю фразу к популярной песенке, оккупировавшей радиоэфир, Вячеслав Андреевич добавил от себя. Заглушил двигатель «девятки», вытащил по инерции панель магнитолы и спрятал ее под сидение. Хотя мог и не прятать. Здесь, на закрытой территории машину можно бросать смело, ничего с ней не случится.

Погода радовала, декабрь выдался мягким, без морозов и по прогнозам они до середины января не предвиделись. С другой стороны, слякоть и грязь, не успеваешь ботинки чистить. Вячеслав Андреевич вынул из «бардачка» губку-блеск и полирнул обувь. Положение обязывает. Надо соответствовать. И только после этого покинул салон машины, перешагнув через хоккейную клюшку, лежавшую на полу, вдоль порога. Обычно здесь возят бейсбольные биты. Недавно, один такой бейсболист подрезал машину Вячеслава Андреевича и, увидев справедливый жест последнего, перегородил дорогу, вытащил свой спортивный снаряд со следами чьих-то зубов, решительно двинувшись на татами. «Смерть лохам»! Но, как говорится – не надо бояться человека с ружьем, если у вас гранатомет. «В ответ Онегин поднял клюшку...» Клюшка, конечно, много легче биты, зато длиннее, и при умелом обращении легко поражает жизненно важные органы и портит мимику лица. Бейсболист об этом догадался и в кулинарный поединок вступать передумал. Убрался вместе со своим «Хундаем», поджав биту и пригрозив разобраться позже.

На часах пол девятого утра. Рабочий день начинался в десять. Но он всегда приезжал на службу в это время, раньше остальных сотрудников службы безопасности. Проверить посты, узнать новости у ночной смены, обойти территорию. Одним словом быть готовым к любым происшествиям и нестандартным ситуациям. На то он и начальник. И охраняет, не какой-то там шоп или склад, а один из крупнейших в городе строительных супермаркетов «Планета-Хауз».

Нажал кнопку на дверях служебного входа. Замок, погудев, щелкнул. Охранник, заспанный молодой парень, облаченный в черную, похожую на эсэсовскую униформу, вышел из своего гнезда – «стакана» и вытянулся по струнке. Угадывалось военное воспитание.

– Здравия желаю, Вячеслав Андреевич.

– Доброе утро, Саша, – вошедший протянул руку для пожатия, – как у нас?

– Спокойно...

Сам начальник предпочитал униформе гражданский костюм. Это гораздо представительней. Он миновал лабиринт коридоров, толкнул последнюю дверь, оказавшись в торговом зале, представлявшем собой необъятный ангар со стеллажами, тянувшимися вверх до вентиляционных труб и разнообразных коммуникаций, закрепленных на потолке, и напоминавших огромный кишечник. Пара рабочих, устроившись на стремянках, украшали зал новогодними гирляндами, водитель грузоподъемного электрокара ковырялся в двигателе, гремели ведрами уборщицы – все, как одна мастера спорта по керлингу. Абы кого в «Планету-хауз» не брали. Вообще-то, основные площади мылись специальными машинами, но в труднодоступных местах с грязью боролись уборщицы.

Вячеслав Андреевич прошел вдоль огромных рулонов импортного линолеума, заряженных в специальные вращающиеся барабаны, словно патроны в револьвер, свернул в отдел обоев и паркета. Дальше располагались электротовары, сантехника, за ними выстроились белоснежные шеренги стиральных машин и холодильников.

Он каждый день следовал этим маршрутом и мог ориентироваться в зале с завязанными глазами.

Отдел бытовой техники, посуды, текстиля, лакокрасочных изделий, инструмент, автозапчасти. Специально к Новому году открыли еще один, где продавали искусственные елки, украшения, всевозможные фейерверки, шутихи и товары для захламления квартиры. Вернее, отдел был и раньше, просто летом и осенью там торговали садово-огородной утварью.

По стеллажам наперегонки гонялись огоньки китайских гирлянд, создавая праздничное новогоднее настроение. Гирлянды на ночь не выключались. Шарик с эмблемой «Планеты», наполненный гелием, висел на нитях, словно стратостат. Огромный транспарант поздравлял покупателей с наступающим Новым годом, по восточному календарю годом «Бешеных скидок и больших бонусов». В центре зала долговязая пластиковая елка, под ней двухметровый пластиковый Санта-Клаус с красным мешком за спиной. На мешке актуальная бодрящая надпись, сделанная строительным маркером: «Птичий грипп». Творчество юных. На улице, перед главным входом еще одна зеленая красавица, только живая. В смысле, уже не живая. Тайно срублена в лесах Ленинградской области, наряжена и выставлена на потеху толпе.

Вячеслав Андреевич улыбнулся, вспомнив, как у управляющего «Планетой» родилась шальная идея вместо елки поставить в зал на пару дней живого слоненка. Идея не была оригинальной, шеф вычитал, что в каком-то немецком супермаркете слоненок рекламировал новый сорт пива. А у нас будет рекламировать, например, финскую краску, рисуя хоботом картины. Какой ажиотаж начнется! Но воплотить в жизнь идею не удалось. В зоопарке и цирке выдавать напрокат слона категорически отказались. «Можем предоставить хомячков». Но от хомячков толку никакого, разве что в качестве валиков их использовать. Привозить из-за рубежа слона на два дня слишком хлопотное и дорогостоящее дело. И куда его потом девать? Это ж не корова, на мясо не пустишь. Разве, что продать вместе с краской. Да и гадит он многовато. Короче, «Планета» осталась без достойного рекламного носителя.

К слову, напрямую с управляющим «Планеты» Вячеслав Андреевич практически не контактировал. Все вопросы решал с его заместителем по административно-хозяйственной части Ильей Романовичем Аршанским, бывшим завхозом какого-то универсама. В обязанности последнего, среди прочего, входила защита супермагазина от внешнего и внутреннего беспредела. Защищал он его, естественно, не сам. Заключил договор с охранным предприятием. Дело в том, что магазин по закону не мог иметь собственную охрану. Есть специально обученные люди, с лицензией, с оружием – будьте любезны их и нанимайте. Многие руководители серьезных организаций, в том числе и супермаркетов, просто-напросто создавали собственные охранные конторы и их же для проформы нанимали. В этом был определенный резон – лучше иметь карманную, полностью подконтрольную охранную структуру, чем договариваться с кем-то «левым».

К «Планете» это не относилось. Так уж сложилось исторически. Первый хозяин, зажиточный немец, вложивший в магазин свободные капиталы, посчитал, что дешевле нанять охрану на стороне. Посоветовался со знающими людьми и обратился в предприятие с располагающим названием «Забота-сервис», созданное отставным милицейским генерал-майором. (Рекламный слоган фирмы: «Ваша безопасность – наша Забота») Генерал, носивший производственную фамилию Глухарев, оценил перспективу и подписал пятилетний контракт, срок которого истекал как раз в начале следующего года. В «Заботе» трудились, в основном, бывшие менты, по тем или иным причинам расставшиеся с органами. То есть охрана, говоря воровским языком, была красной и не пускала в свои ряды публику с криминальным прошлым и отставных политиков. Ибо, по мнению генерала, политика без криминала, что деревенский сортир без дырки.

Впоследствии немец продал бизнес каким-то московским ребятам, те ломать устоявшиеся правила не стали и договор не порвали. Тем более, что «Забота» вполне справлялась со своими задачами, а Глухаревские лампы постоянно мелькали в авторитетной тусовочной среде. Конечно, не все было идеально, но все идеально быть и не может. Генерал сразу оговорил, что ни в каких разборках, связанных с переделом собственности, выбиванием неустоек или с бан-

дитскими наездами его птенчики участвовать не станут. Ни на «стрелки» ездить, ни пальцы гнуть, ни конкурентов мочить. «Забота» должна оправдывать свое название. Наши функции – охрана периметра, пресечение краж товара покупателями и персоналам, обеспечение порядка в торговом зале, чтобы граждане могли спокойно наслаждаться тратой денег и ни о чем больше не думать... Не нравится, ищите другую контору. Хозяева условия приняли.

Вячеслав Андреевич Чернаков устроился в «Заботу-сервис» год назад, когда вышел на пенсию по достижении сорокапятилетнего возраста. Остаться в системе он не пожелал, хотя работу свою любил. Но система давно превратилась из правоохранительной в правоохрительную и даже близко не походила на ту, в которую он когда-то пришел. Вернувшись из очередного отпуска в свой отдел, он застал в кабинете начальника молодого человека южных кровей. Юноша вальяжно сидел за рабочим столом шефа и на родном языке трепался с кем-то по мобильнику.

– Эй, паренек... Тебя кто сюда пустил?

Паренек отключил телефон, поднялся из-за стола и с сильным акцентом представился:

– Я новый начальник... Насруддин Насрулиевич. А ты кто?

– Если ты начальник, то я министр внутренних дел... Где Палыч то?

– Алексей Павлович перешел в другой отдел. Теперь я главный, – Насруддин Насрулиевич показал удостоверение...

«Старший лейтенант милиции, начальник оперативно-сысского отдела...»

«Убойные отделы» в очередной раз переименовали. В оперативно-сысские.

– Выйди и доложи, как положено.

– Слышь, Насру... Шел бы ты сам отсюда...

– Куда?!

Чернаков ответил. Через час его вызвал зам начальника райотдела по кадрам и провел воспитательную беседу о недопустимости посылать непосредственного руководителя в срамное место. Руководитель молодой, его добрым словом поддержать надо и помочь на первых порах. А то обидится и будет плохо выполнять свои обязанности.

– А откуда он, вообще, взялся?

– Назначен приказом свыше... Очень перспективный... Два месяца в органах, а уже внеочередное звание досрочно получил.

Слово «купил» вместо «получил» замполит опустил, как некорректное.

В общем, не выходя из кабинета, Чернаков написал рапорт на пенсию. И куда податься безработному менту? Идти торговать? Вряд ли получится. Желудок, может, и обрадуется, но сердце протестует. В смысле – душа. Уже не перестроится. Остается охрана. В «Заботу» его взяли без вопросов. Подполковник милиции, двенадцать последних лет в убойном отделе. И, конечно же, теплые отношения с генералом, помнившим грамотного, писавшего почти без ошибок оперативника из района.

Генерал и предложил бывшему старшему оперу возглавить службу безопасности «Планеты-Хауз» – самого крупного объекта «Заботы». Имелось еще несколько объектов, но по доле прибыли их нельзя было и близко ставить с супермаркетом. Практически весь личный состав «Заботы» трудился под крышей и на крыше «Планеты». Крышевал, в хорошем смысле этого слова.

– Бери «Планету», Славка! Лучше не найдешь!

– А там что, вакансия?

– Завтра же будет! Я Брошкина выгоню к чертям собачьим!

Брошкин в то время работал начальником службы безопасности «Планеты».

– Совсем обнаглел! Ни одного задержания за месяц! Только аферы с уценками на уме! Дачу за год из казенных материалов себе построил! Вместо того, чтоб несунув и карманников ловить! Коллектив расслабил, охранники с продавцами сговариваются и товар тырят! Да еще

премии требуют! А репутация страдает, авторитет падает! А ты наведешь порядок! Ты сможешь, я знаю! Ну, что, берешь?

– Давайте!

– Все, договорились. Пройди медкомиссию и пиши рапорт, в смысле, заявление! Лицензию охранную тебе за два дня оформим.

– А комиссию зачем?

– Порядок такой. ПНД, наркология... Вдруг, ты окончательно спятил в своем убойном отделе? Или «белочку» нажил... И кардиограмму сделай обязательно. Под нагрузкой... А заодно флюорографию, анализ крови и мочи.

– А это то на хрена?

– Мы своим медицинскую страховку оформляем в европейской клинике, они Требуют анализы... Ну что, по коньячку? Французскому? Для очистки крови и совести, ха-ха-ха...

Генерал озорно подмигнул. Он, вообще, слыл озорником. Одной из его любимых шуток было дарить на день рождения подчиненным презервативы. В больших красивых коробках. Обойму из десяти патронов. При этом он аккуратно вынимал один. А где менты обычно справляют дни рождения? В кругу соратников, то есть на мальчишнике. Вечером ничего не подозревающий именинник возвращался домой, в семью, рассказывал о мальчишнике, демонстрировал подарки, в том числе и симпатичную коробочку без одного патрона. Тут, собственно, и начинался юмор. «Мальчишник, говоришь? А где один condom?!» И селедкой по морде. Или тем, что там под руку подвернется. Короче, всем весело. Особенно, если дело доходит до развода и раздела имущества...

Говорят, в расцвете генеральской карьеры Глухарев приехал инспектировать школу милиции. Прибыл днем, прошел вдоль строя курсантов, после проверил их быт, успехи в учебе и поведении. Дальше, как принято в ведомстве – банкет в специальном гостевом кабинете. После банкета здоровый отдых в школьной гостинице. Прилег на минутку передохнуть на коечку да и уснул. Решили не будить и домой не отвозить. Пускай отдыхает их благородие. В три часа их благородие просыпается и объявляет тревогу! Школьное начальство в трансе. Какая тревога, если ужин был вполне пристойным. «А я с курсантами забыл поздороваться». Построили всех на плацу. «Здравствуйте, товарищи курсанты!» «Здравия желаем, товарищ генерал-майор!» («Чтоб тебе под плац провалиться!») «Благодарю за службу! Вольно, разойтись!» В общем, начальник «Заботы» был мужичком со странностями, чем и выделялся из серой массы командного состава ГУВД.

С анализами у Чернакова никаких проблем не возникло. Вячеслав Андреевич еще разок посетил лабораторию при родной поликлинике ГУВД, еще раз с удовольствием прочитал предупредительную табличку на дверях: «Просьба отключать мобильные телефоны, они влияют на качество мочи». С кардиограммой вышел конфуз. Врач велела раздеться до пояса и быстро-быстро присесть двадцать раз. «Раз-два, раз-два, быстрее, еще быстрее! Теперь ложитесь на кушетку... Так, неплохо, неплохо. Поздравляю, у вас кардиограмма, как у двадцатилетнего. Молодцом! Вставайте...»

Встать Вячеслав Андреевич не смог. Свело спину. Приседания разбудили застарелый радикулит, который засыпать категорически не пожелал. Заявление в «Заботу» будущий шеф по безопасности пришел писать в позе закрытого шлагбаума.

– Что случилось, Слава? – воскликнул генерал.

– Кажется, коньячок у вас не французский... В печень дал. Не распрямиться.

Через неделю Вячеслав Андреевич все же распрямился и приступил к работе. Естественно, перед этим устроив обязательный банкет по поводу вливания в коллектив. И заодно, дня рождения, пришедшегося на это же время. Генерал подарил ему традиционную коробочку и, отведя в сторону, выпил с ним один на один.

– Вот тут тебе, Славик, удачи желали, здоровья, счастья... Херню, в общем, всякую. А я тебе, как законченный реалист, честно и откровенно пожелаю материальных благ. Все мы скоро будем старенькими. Всех нас будут возить в колясочках, если доживем. Так вот тех, у кого много благ – будут возить быстро, а тех, у кого мало – еле-еле, ха-ха-ха... Ностальгия то по погоням пока не мучает?

– Есть немного.

– Пройдет... Чепуха это все. Ностальгируют те, кому плохо живется сейчас.

Коробочку Чернаков оставил в сейфе.

До сегодняшнего дня особых претензий руководство «Планеты» ему не предъявляло. Даст Бог, и не предъявит.

Хотя поначалу было трудновато. Брошкин, обиженный на несправедливое увольнение, о тонкостях ремесла не поведал, приходилось самому шишки набивать. Коллектив охраны большой, четверть сотрудников – женщины, попробуй, найди подход к каждому, чтоб люди берегли хозяйский товар, как собственные кошельки. Кого-то пришлось выгнать, кого-то, наоборот, по кепочке погладить. Естественно, возникли трения и обиды на деспотизм. Но в итоге, все устаканилось. Ее высочество безработица воспитывала народ лучше любого партийного собрания. Не хочешь работать – мы никого не держим, желающих на твое место много.

Обойдя зал и поздоровавшись с ночной сменой, отдохавшей на своих местах, Чернаков вновь скрылся в подсобных помещениях и поднялся к себе на третий этаж. Забрал из специального ящика перед дверью журнал учета происшествий и отчет за сутки. В предпраздничные дни магазин торговал до десяти вечера, а Вячеслав Андреевич покидал рабочее место в половине восьмого. Все, что случалось позднее, старший смены фиксировал в журнале. Старший дежурил круглосуточно, потом получал два выходных. В девять он придет на пересменку и доложит обо всем лично. Сейчас старший смены завтракал в кафе для сотрудников.

Чернаков поднес к панельке электронный бейдж, дверь небольшого кабинета отворилась, пропуская хозяина. Сняв пальто, хозяин подумал, что неплохо бы поставить еще один обогреватель. Центрального отопления бережливые хозяева сюда не провели, и, несмотря на теплый декабрь, за ночь температура опускалась до десяти градусов. А если морозы под тридцатник врежут? Можно заливать пол и катиться на коньках.

Вообще, обстановка в кабинете была офисно-казенной, никаких излишеств. Шкаф, стол, стеллаж с пухлыми папками отчетов, сводок и нормативных документов, небольшой телевизор, компьютер. Из украшений – схема эвакуации при пожаре, календарь с фотографией «Планеты-Хауз», и миниатюрные, но самые настоящие хоккейные краги, висящие над вращающимся креслом. На столе четыре монитора, в которых можно увидеть практически любой уголок магазина. И даже (Тс-с-с-с! Совершенно секретно!) служебные туалеты. Такие же мониторы стояли в помещении старших смены, но они в отличие от начальника за уборными наблюдать не могли.

Чернаков в свое время убедил Аршанского в необходимости оснастить сортиры секретными «глазками», найдя там пару использованных шприцов с характерными следами бурой жидкости. Персонал в «Планете» трудился разношерстный, попадались и зависимые от тяжелых наркотиков. К тому же, именно в кабинках гальюнов нечистые на руку работники прятали под одежду украденный с прилавков товар, а звенящие бирки отрывали и спускали в канализацию. Аршанский поначалу замахал руками.

– Вы что, Вячеслав Андреевич! Это ж не этично! Ладно, в кафе или на складах, но в туалете? А если узнает кто? Это ж скандал! По судам затаскают!

– Во-первых, Илья Романович, как показывает мировой опыт, в вопросах безопасности этично все, во-вторых, мы никому не скажем, в-третьих, если кто случайно и заметит, заявим, что это ошибка проектировщика. Следить за оперативной обстановкой в галлюнах буду лично я, а меня ничем не удивишь.

– Но я же тоже хожу в туалет!

– Камеры установим так, что унитазы в объектив не попадут. Можете облегчаться спокойно.

В итоге Аршанский согласился. Чернаков пригласил знакомого инженера, и тот под покровом ночи сделал черное дело. Вячеслав Андреевич сдержал слово – унитазы в объектив не попали. На всякий случай инженер дал подписку о негласном сотрудничестве с ФСБ, проще говоря, стукачестве. Если общественность вдруг узнает о «глазках» в сортирах, она тут же узнает о тех, кто «помогает» самому популярному в народе ведомству. Для страховки над унитазами были повешены предупредительные таблички «Внимание, в туалетах ведется скрытое наблюдение!». Естественно, все восприняли их как хохму, но в случае провала всегда можно на них сослаться. Какая хохма? Все серьезно! Не нравится – милости просим на улицу, в платный сортир.

Туалетная слежка оправдала затраты на ее установку. Месяц назад Чернаков пресек продажу двух кило «стекла» – наркотических пилюль, добавляемых в лимонад для придания последнему особых вкусовых качеств. Очень популярная дурь в ночных клубах. Выпиваешь и ни в чем себе не отказываешь. Один из продавцов торговал ей прямо в «Планете», в качестве прилавка выбрав туалетную кабинку. А о «несунах» и говорить нечего. Вячеслав Андреевич набил руку, вернее, глаз и без труда отличал человека, честно справляющего нужду, от воришек, прячущих в нижнем белье товар. Последних брали на специальной «рамке» для персонала, и они долго ломали голову, где могли засветиться.

Иногда в кабинках занимались любовью по-походному, но в такие моменты Чернаков, без промедления отключал монитор, не мешая людям. Любовь не влияла на безопасность, зато поднимала у сотрудников рабочее настроение. Пускай занимаются. Производительность труда повысится.

Что казалось «секреток» в торговом зале, то денег на их установку Чернаков не жалел. Естественно, хозяйских денег, хотя хозяева, несмотря на масштабы предприятия, придерживались правила – где можно не платить, лучше не платить. И средства на безопасность выделяли с огромным скрипом, слышимом даже в паре кварталов от «Планеты». Приходилось убеждать и доказывать математически. В итоге «секреток» натыкали столько, что без проблем можно было проследить за человеком, идущим по залу в любом направлении, да еще с разных точек.

Вячеслав Андреевич уселся за стол, достал из ящика упаковку просроченного анальгина. Проглотил пару таблеток. Голова немного гудела. Накануне заскочил в клуб ветеранов милицейского райотдела, называемый в народе «Клубом Черных Подполковников». Раз в неделю вышедшие в отставку или на пенсию коллеги и их бывшие начальники собирались в бане, парились и жадно общались о театральных премьерах, книжных новинках, модных выставках, интернетовских сайтах и политике. Иногда наизусть читали стихи, в основном незабвенного Баркова. В процессе обсуждения кто-нибудь бросал условную фразу «Ну, что?», после чего на столе вырастала горка из купюр мелкого и среднего достоинства, которую через минуту обменивали у банщика на водку и символическую закуску. Стихи заканчивались, начиналось «Гип-гип-ура-а-а!»

Чернаков заходил в клуб примерно раз в месяц, в обсуждении театральных премьер старался не участвовать, приводя один и тот же аргумент: «Ну, зачем обязательно нажираться? Можно и в города поиграть». Плохо, когда на следующее утро коллектив супермаркета видит начальника службы безопасности с мешками под глазами и улавливает неприличный выхлоп. И, соответственно не чувствует себя в полной безопасности.

Но вчера один из завсегдатаев проставлялся по поводу пятидесятилетия, и сослаться на «города» было неуместно. Именинник, сидевший за столом рядом с Чернаковым, без устали подливал, требуя пить непременно до дна. «И пусть в моей жизни будет столько дерьма, сколько капель останется на дне этого бокала... И пусть в моей жизни будет столько женщин,

сколько капель останется... Э-э!!! Не пить! Лучше споем! Нашу, ментовскую. „Та-га-нка, где ночи полные огня-я-я...“»

По пути домой Вячеслава Андреевича тормознул гаишник, уловивший в движениях машину некоторую неустойчивость на трассе. Чернаков, опустив стекло, показал милицейское пенсионное удостоверение, которое, как правило, выручало на дорогах. Гаишники понимали – рано или поздно сами выйдут на пенсию.

– Пили?

– Нет, – честно соврал пенсионер, – просто утомился.

– А почему это вы не пили, а я пил?

Тут Вячеслав Андреевич заметил, что у стража дорог глаза блестят несколько ярче, чем это положено по уставу.

– Пройдемте в мою машину!

Гаишник подмигнул, кивнув на своего расписанного гербами четырехколесного друга.

– Угощаю! А то мне одному несподручно, а напарник приболел... Праздник у меня...

Развелся.

– Поздравляю. Но извини, старик... Спешу... На работу утром.

Наверное, сейчас, вместо анальгина, более эффективно помогли бы пятьдесят грамм коньяку с лимоном, но Чернаков поклялся себе на пенсионном удостоверении, что на работе ни-ни... Даже в оздоровительных целях. Плохой пример детям.

Он откинулся в кресле, минуту-другую посидел с закрытыми глазами. Состояние стабильно тяжелое, грозит перейти в стабильно мертвое. Тьфу-тьфу. Вячеслав Андреевич поднялся, включил чайник, вернулся за стол, влез в очки (старость не радость!) и раскрыл папку.

Все как обычно. Два задержания на рамке. Мелочевка. Рулетка за сорок пять рублей и мыльница за сотню. Пойманы водитель АТП и инженер-технолог. Якобы, забыли оплатить. Проведена профилактическая беседа, оба отпущены, товар оплачен, милиция не вызывалась...

Даже если бы вызвали, никто бы не приехал. «Палки» на такой ерунде не срубишь, разбирайтесь сами. Вот если ущерб за тысячу, или хотя бы рублей пятьсот, приедем с радостью, халаянные раскрытия кому ж помешают? Чернаков, когда вступил в должность, побывал в местном отделе, познакомился с начальством, распил представительский презент, короче, навел мосты. Начальство против взаимодействия не возражало, деликатно попросив заодно отреставрировать дежурную часть, взамен пообещав присылать наряд по первому требованию. Если будет свободная машина. «То есть вам еще и машину подарить»? «Нет, нет, что вы... Но если, вдруг есть такая возможность, не откажемся. Не для своей корысти ведь просим, но для государства родного...»

Если же ущерб не дотягивал до обозначенной в законе суммы, никто не приезжал. Даже когда у задержанного было восемь судимостей в активе. С такими приходилось разбираться самим. Тройную стоимость украденного в кассу, и свободен. Иначе сообщаем властям. Как правило, платить штраф никто не отказывался. Лучше заплатить, чем прослыть в обществе мелким вором.

Действия такие были, по большому счету, незаконными, штрафовать мог только судья, но не оставлять же несознательных господ совсем без наказания? Они ведь снова захотят что-нибудь забыть оплатить.

В особую категорию входили kleптоманы. Некоторых Чернаков уже знал в лицо. Здесь были представители совершенно различных социальных групп. И женушки магнатов и нищие интеллигенты и даже творческие люди. И воровали они всякую ерунду, вроде автомобильных освежителей воздуха или ситечек для чая. Вели себя тоже по-разному. Кто-то плакал, кто-то грозил уволить всю охрану, кто-то клялся, что просто забыл заплатить. В восемнадцатый раз. Особых карательных мер к ним не применялось. Так, очередная профилактическая беседа. Бесплезно – люди больные. Все равно будут тырить, хоть руки скотчем свяжи или охранника

к каждому приставь. Да и ущерб от них копеечный. Гораздо меньший, чем от команд, специализирующихся на кражах из супермаркетов. И ладно б простые уголовники бомбили. Мода пошла среди молодых бездельников – пари заключают, кто больше товара из магазина утащит. Причем, публика не бедствующая, есть детишки серьезных родителей. Экстрима на задницу хочется, энергию уродам девать некуда. Одного прихватили, тут же папашка примчался. Прямо с заседания совета директоров. Провел с сыном воспитательную беседу в кабинете Чернакова. «Не умеешь воровать – не воруй! Я из тебя не для того человека делал, чтобы ты на „рамке“ зазвенел! Еще раз зазвенишь, объявлю экономическую блокаду! Денег на карманные расходы не получишь!»

... Что дальше? Скандал на кассе. Ошибка кассира. Сосчитала фильтр для воды, который человек не покупал. Дома тот проверил чек и вернулся с претензией... Бывает. Техника под вечер дает сбой, кассиры тоже устают. Либо клеят на торец стола левый штрих-код, а потом незаметно проводят по нему сканером. Как правило, те, кто покупают целую корзину, чек не сверяют. А уж как потом лишние деньги из кассы выудить, продавец придумает... В общем, надо разбираться, случайна ли ошибка.

Угон машины с парковки... Что-то их много в последнее время. Только за декабрь восемь штук.

Охрана паркинга не входила в обязанности службы безопасности «Планеты». Паркинг – территория муниципальная, все претензии к милиции. Но с другой стороны, угоны негативно влияли на имидж магазина. Покупателей такая реклама не привлекала. Как-то у консула тачку умыкнули, шумихи на весь город было. По всем каналам «пропиарились». В итоге – снижение объема продаж. Зачем ехать туда, где машины угоняют? Слава Богу, «Планета» не единственный супермаркет в городе, они сейчас растут как черномыльские грибы, один больше другого. Гиперы, мега...

Местные пацаны сориентировались мгновенно, предлагая за червонец покараулить авто. На этом все...

На самом деле не все. Некоторые вещи не заносились в журнал. Например, то, что касалось работников.

Чернаков взял следующую папку. Претензии персонала магазина к охране. Журнал был заведен по настоянию Вячеслава Андреевича. Охранники не идеальны, могли поддаться на службе, особенно в отсутствии начальства. Или отказать в просьбе продавца проверить того или иного покупателя. Или просто нагрубить. Раньше обиженные бежали жаловаться к руководству магазина, руководство, не разобравшись, накатывало на Чернакова. Теперь же любой мог оставить претензию в журнале, и шеф по безопасности сам разбирался со своими бойцами, стараясь быть объективным, но не предвзятым. Провинившихся не выгораживал, из-за чего нажил немало врагов. Но если человек не понимает нормального разговора и в третий раз подряд закладывает на службу за воротник, что с ним прикажешь делать? Свободен. Армия безработных нуждается в надежных кадрах. Можете жаловаться и обращаться в суд.

За вчерашнюю смену претензий к охране не было.

Чернаков убрал папку в стол, подошел к зеркалу, поправил полосатый галстук, подаренный дочерью с зятем на сорокапятилетие, окатил себя мощным зарядом терпкой туалетной воды, опасаясь, что подчиненные уловят выхлоп банной водки.

В дверь постучались. В кабинет вошел старший смены Стас Доценко, дежуривший в минувшие сутки. Стаса Чернаков переманил из «карманного» отдела ГУВД. Вернее, тот и так собирался уходить. С ментовской зарплатой сам начнешь карманы щипать. Здесь, в «Планете» тоже особо не пожирешь, доход всего в два раза больше, но зато работа сутки через двое, можно еще где-нибудь подхалтуривать. Да и ответственность поменьше. Первое время Доценко, как специалист по борьбе с карманной тягой, работал детективом в зале, но позднее пошел на повышение, став старшим смены. Всего в подчинении Чернакова было три старших

смены. Они непосредственно руководили охранниками и отвечали за безопасность магазина в отсутствии шефа. Сидели старшие в своем кабинете на первом этаже. Доценко стукнуло тридцать четыре, пенсию в отличие от Вячеслава Андреевича он не нажил, поэтому работой дорожил, ибо, кроме ловли щипачей, ничего больше не умел. А кому нужны подобные специалисты? Только охранным структурам, да и то не всем.

Щипать карманы в супермаркете сам Бог велел. Вернее, он то, как раз и не велел, но их интенсивно щипали. Каждый день и не единожды к охранникам подбегали зареванные дамочки и трясли разрезанными сумочками или пакетами. Таблички: «Не оставляйте свои вещи без присмотра» и «Берегите карманы» не помогали. Оставляли, оставляют и будут оставлять. Да еще положив сверху лопатник, словно специально.

Карманами зарабатывали себе на укол насущный в основном выходцы южных республик или цыгане, реже наши. Когда в «Планете» появился Доценко и прихватил за задницу парочку умельцев, лидеры щипачей заявили Чернакову протест, иными словами, попытались договориться, чтобы тот за определенную плату не мешал им спокойно трудиться.

– А на шухере вам постоять не надо, уважаемые?

Уважаемые огорчились, но от божьего промысла не отказались. Правда и козней, вроде минирования машины Чернакову не устраивали. Стас предлагал отвезти какого-нибудь поиманного джигита в лес и провести профилактическую работу с ломанием пальцев или ребер, чтобы другим неповадно было. Но шеф не разрешил. В ответ в витрину «Планеты» могла влететь граната или, как минимум «молотов коктейль».

– Привет, Стас. Присаживайся.

До начала оперативки оставалось еще десять минут, Стас зашел раньше. Видимо, есть, что сказать.

Стас опустился на один из стульев, рядом стоявших вдоль стены. На нем тоже была униформа. На ремне, в черных кобурах приютились два пистолета – газовик и «Иж-71». Тот же «Макаров», только пуля полегче. Если охранникам понадобится огневая поддержка, старший вступит в бой. Сам Чернаков оружия не таскал. Каждое утро ездить в оружейку получать, затем сдавать. Да и зачем оно ему на объекте? Для защиты от врагов, нападающих вне объекта купил с премиальных «Осу» – четырехзарядный пистолет с резиновыми пулями. Клюшка не всегда может оказаться под рукой, а враги на каждом шагу.

– Как ночь?

– Нормально. Не беспокоили... Тачку вечером опять сдернули. «Тойоту».

– Я читал. Кто хозяин?

– Без понятия. Но крику много было. Минут на десять всего зашел, порошок стиральный жена попросила купить.

– Тачка застрахована?

– Да.

– Может, сам?

– Вряд ли... Тачки действительно уходят... Но это не наши головняки, пусть менты ищут... У нас другое. Я ночью за компьютером посидел. Кассирша одна похоже со скидками блудит. Надо бы закупочку сделать.

– Молодая?

– В смысле возраста?

– В смысле стажа.

– Третий месяц у нас. После курсов. А так, тридцать лет, бывшая медсестра из Мариинской больницы. Вот распечатка.

Стас протянул Чернакову лист с цифрами. Тот пробежал глазами столбы. Да, почти каждая крупная покупка шла с «золотой» десятипроцентной скидкой, максимальной из всех

предусмотренных в «Планете». Можно, конечно, предположить, что кассиру «везло» на обладателей дисконтных карт, но, как правило, подобное везение было организовано им самим.

Дело в том, что некоторые работники, в том числе и кассиры, вместо премий получали дисконтные карты с максимальной скидкой, чтобы могли затариваться в магазине по низким ценам. Но какой русский не возведет обычную халяву в третью, а то и в пятую степень? Соображалка, как говорит сатирик Задорнов, устроенная у наших людей правильно.

Допустим, к кассе подходит покупатель, набравший товара тысяч на двадцать-тридцать, не имеющий пока никакого дисконта. Заботливый продавец предлагает – не желаете ли воспользоваться хорошей скидкой? Но с маленьким откатом – рублей пятьсот мне за услугу. Кто ж откажется? Или ничего или тысяча-другая экономии. Конечно, желаю. Кассир прокатывает свою персональную карточку, и оба довольны. А иногда и вообще покупателя не спрашивает. За месяц к основной зарплате можно «напрокатывать» небольшую добавку, в два-три раза превышающую саму зарплату.

В принципе, ничего противозаконного в этом не было. В стоимость большинства товаров заложена и возможность скидки, но магазин все равно несет убытки. Ладно б, откат возвращался в кассу, но он же остается у кассира. Если все начнут химичить подобным образом, придется отменять дисконтные карты или торговать себе в убыток.

Опытные кассиры не злоупотребляли этим фокусом, понимая, что все операции фиксируются в компьютере, и если что, их легко просчитать. Так, раз, два в месяц, не больше. Те, кто понаглее, прокатывали карточку на каждом втором покупателе. Поди докажи, что это не совпадение.

Поэтому для таких работников приходилось устраивать контрольные закупки. Кто-нибудь из подставных набирал товара на баксов на пятьсот-тысячу и становился в нужную кассу. С пойманным за руку кассиром проводилась беседа о недопустимости пользоваться добротой хозяев предприятия. И если это хоть раз повториться, приговор будет суров, но справедлив. Всеобщее презрение и пожизненное лишение возможности переступить порог нашего супермагазина. И вообще, когда-либо сесть за кассовый аппарат. Рекламу обеспечим.

В большинстве случаев, беседы хватало, кассиры дорожили своим рабочим местом. Дисконтная карта, у них, разумеется, отбиралась.

– Хорошо, сделаем, – кивнул Чернаков, убирая распечатку в стол, – что-нибудь еще?

– Да нет, все спокойно. Ночью «объемник»⁵ в зале шесть раз сработал, еле врубились в чем дело.

– И в чем?

– Цветок на кассе стоял. В горшке. Он, оказывается, по ночам листья распускает, собака. Вот лист в луч и попал...

– Зато не спали.

– Да мы и так не спим. Почти... Да вот еще... Не знаю, может, и ничего страшного...

– Ну?

– Вчера парочка одна по залу болталась. Мужик с бабой. Лет по тридцать обоим. Я случайно их приметил. Мужик бабу на мобильник фотографировал.

– И что?

– Во-первых, у нас на дверях предупреждение, что снимать ничего нельзя, во-вторых, если он ее на фоне какой-нибудь елки или деда Мороза фоткал, я б еще понял, а то в отделе красок. Причем в таком месте, где «секреток» нет. Я Мишу попросил их до кассы проводить и на улице посмотреть. В общем, они целый час по залу ползали, по сторонам глазели, а купили две банки с краской. Потом сели в джипарь и укатили. Миша номерок на всякий случай записал.

⁵ «Объемник» – датчик охранной сигнализации, реагирующий на движения в замкнутом помещении.

Стас положил на стол небольшой листик с номером.

– Может, конечно, просто от безделья слонялись, а может, и высматривали чего.

– Хорошо... Спасибо.

Чернаков спрятал бумажку в ежедневник. Скорей всего, молодые люди действительно просто слонялись, Стас перестраховывается, но инициативу сотрудников надо приветствовать.

В течение пяти минут в кабинет подтянулась новая смена. Дневные и суточные охранники, старший наряда и его помощник, два детектива. Последние были без формы. По понятным причинам. Их задача выявлять несунув в зале и передавать информацию на контроль. Работали они тоже посменно. Два дня одна пара, два – другая. Они старались не светиться среди персонала, обедали не в служебном кафе, а за пределами магазина. Трое из детективов когда-то служили в оперативно-поисковом управлении, в службе скрытого наблюдения. Выйдя на пенсию, продолжили филерскую деятельность. Под видом покупателей гуляли по залу и высматривали расхитителей капиталистической собственности. Четвертый детектив, Толик Бушуев, самый молодой из всех, до «Планеты» работал опером в местном отделе милиции. Из детективов именно с ним у Чернакова сложились наиболее доверительные отношения, несмотря на пятнадцатилетнюю разницу в возрасте. Толик, как и Вячеслав Андреевич, ко многим вещам относился иронично, причем, ирония эта была в допустимых рамках и всегда по делу.

Собственно, ирония и стала причиной увольнения Бушуева из органов. Как-то он пошутил над самым святым – показателями. Надоело ему сочинять всякую белиберду в постановлениях об отказах в возбуждении уголовных дел, говоря проще – отказниках. Что, к примеру, у потерпевшего не украли кошелек, а он его сам посеял, что дамочку не изнасиловали, а она сама дала... И прочие чудесные, но маловероятные истории.

В итоге, как-то раз мучаясь над очередным постановлением, плюнул, и хохмы ради напечатал все честно и откровенно. Вышло примерно следующее: «Тогда-то, тогда-то в отдел милиции обратился гражданин Тютюнин с заявлением о краже из его квартиры личного имущества – ювелирных украшений, видеокамеры и фотоаппарата. Дверь квартиры имела следы взлома. Проведенными оперативно-розыскными мероприятиями установить местонахождение указанного имущества не представилось возможным, однако, учитывая, что в отделе крайне низкая раскрываемость квартирных краж, на совещаниях руководство отдела получает за это по фуражке, личный состав лишается премий, а главное, один хрен, ничего не найдем, постановил: 1. Уголовное дело по данному факту не возбуждать, розыск имущества Тютюнина прекратить, материал сдать в архив. 2. Заявителя о принятом решении уведомить устно, послав его подальше...» Ко всему прочему Бушуев извратил и фамилию потерпевшего, превратив ее из Тюнина в Тютюнина.

Напечатав, впопыхах вместо нормального постановления сунул в материал потешное. Начальник, не глядя, подмахнул и переправил его в прокуратуру для утверждения. Но там хоть иногда, но постановления читали. Прокурор чуть со стула не рухнул от подобного цинизма и наглости. Иронии он не понимал напрочь. Сразу два дела возбудил. Первое по факту кражи у посланного Тюнина – Тютюнина, второе в отношении оперуполномоченного Бушуева. Почему-то за превышение должностных полномочий и халатность. Начальник отдела, неосмотрительно подмахнувший «отказник», отделался пятым кряду «неполным служебным», а Толику, невзирая на его прошлые заслуги, предложили искать место в другом подразделении.

В этот момент жизнь и свела его с Чернаковым, подбирающим четвертого детектива в свою бригаду. Толик особо долго не раздумывал, в «Планете» никаких «отказников» сочинять не надо. Правда, показатели все равно существовали, без них никуда, даже в частном секторе. Надо же как-то работу сотрудников оценивать.

Бушуев оправданное доверие доказал, план по «несунам» делал исправно, не хуже опытных филеров. Да и вообще парнем был сообразительным и толковым, Чернаков пока не жалел,

что взял его в команду. Но предупредил, что хохмить с покупателями не следует, покупатель, как говорил американский основатель крупнейшей сети супермаркетов «Вал-Март» Сэм Уолтон – наш единственный Бог. Толик не хохмил, правда, поначалу ударился в другую крайность. Как-то Чернаков застал его в самом темном углу склада. Бушуев рулоном финских обоев вдохновенно дубасил по почкам какого-то волосатого, студенческого вида юношу, прикованного к трубе наручниками. При этом в общедоступных народных выражениях убеждая последнего не появляться больше в «Планете» под угрозой лишения жизни. Юноша умолял оставить ему хотя бы одну почку и клялся, что воровать больше не будет. От потери здоровья парнягу спасло появление начальника службы безопасности.

– Что он украл?

– Набор отверток.

– Я бы заплатил, – промямлил прикованный, потирая свободной рукой бок.

– Хотел бы заплатить, положил в корзину, а не в карман. Я тебе, вонючка давно срисовал, через день у нас шатаешься.

– Идите, молодой человек, – отстегнул парня Чернаков, – и постарайтесь больше не путать карман с корзиной.

Когда волосатик, вытирая сопли исчез в зале, начальник накинулся на детектива.

– Ты чего творишь то?

– Так, воруют, Андреич! По беспределу! – Толик положил рулон на стеллаж, – приходится обоями воспитывать. Они ж, крысы, добрых слов не понимают. Зато остальным урок.

– Твое дело их на кассе брать, а не морды на складе бить! Хочешь воспитывать – воспитывай на стороне в личное время.

– Я морды и не бью. Только по почкам. Никаких следов.

Видимо, работа в милиции научила Толика не только хорошему.

– Ты нам устроишь рекламу, на весь Питер прогремим. Еще раз застукаю, пойдешь периметр охранять. Или вообще турну.

– Я чего для себя стараюсь? – обиделся тогда Бушуев, но впоследствии со славными ментовскими традициями все-таки завязал. Переломался, как говорят наркоманы.

Вячеслав Андреевич провел дежурный инструктаж личного состава, попросив быть внимательней в предпраздничные дни – самую жаркую пору для службы безопасности. Вообще, сейчас она жаркая не только поэтому. На дворе зима, покупатели ходят в куртках и пальто, под которыми можно вынести гораздо больше, чем под пиджаком или жилеткой.

– Вопросы есть?

Вопросов не было, народ разошелся по рабочим местам. Бушуева начальник попросил задержаться.

– Толя, вчера машина с парковки опять ушла. Дело, конечно, не наше, но авторитет падает. Чувствую, одна команда работает. Свяжись с «восьмым»⁶ отделом, подкинь тему. Пускай покрутятся.

– Если захотят.

– Пообещай премию к Новому году. Деньги найдем. И передай Тимохину, чтоб одну камеру вывел на парковку. На всякий случай.

– Может, парочку?

– Одной хватит. Но пускай включит запись. Хотя бы до Нового года, пока наплыв народа.

– Хорошо.

– Да, подыщи человека для контрольной закупки. Кассирша одна с дисконтами шалит. Завтра проверим.

⁶ Восьмой отдел – отдел Управления Криминальной милиции по борьбе с хищениями автотранспорта.

– Понял... Андреич, кстати, насчет премий. Нам то выпишут что-нибудь к католическому Рождеству? Или только к православному?

– Надеюсь. Я, во всяком случае, список отдал.

– Аршанскому?

– При чем здесь Аршанский? Глухареву. От Аршанского по бутылке шампанского и календарiku получим. А то и вообще ничего.

– Могли бы и две бутылки подарить. Мы им на пятьдесят тонн в месяц товара возвращаем.

– Они нам за то и платят...

– Кстати, Пингвин вчера нас навещал. В начале девятого.

– А он не сидит, разве? Мы ж его еще в мае прихватили.

– Дело прекратили. То ли по болезни, то ли просто в наглую.

Пингвин, или Аркаша Пингвинов был лидером одной из команд магазинных воров.

Внешне он действительно походил на пингвина. Маленького, жирного. Но бегал резво, быстрее антилопы гну. У него была любимая фраза, которую он любил повторять в кругу близких по духу персон: «Мне чужого не надо, я на краденном проживу».

– Поговорил с ним?

– Зачем? Просто походил. Полчаса он по залу ползал, купил мелок от тараканов и свалил. На рамке не зазвенел.

– Точно ничего не вынес?

– Гарантирую. Его Боря на входе срисовал, сразу мне передал, а я его ни на секунду не терял. А Стас по секреткам вел. А мелки, говорят, сейчас наркоманы покупают. Растолкут и нюхают. Торкает не хуже кокаина. Правда, рожа потом опухает. Но им же не в кино сниматься. Может, и Пингвин подсел?

– Ладно, ступай в зал.

Когда Бушуев закрыл за собой дверь, Чернаков ослабил галстук и, откинувшись в кресле, закрыл глаза.

«Пора заканчивать с чтением стихов в клубе. Не мальчик, силы уже не те. Организм поэзию отторгает».

* * *

Стеклянные «Планеты» двери, украшенные разноцветными снежинками плавно разъехались, молодая женщина лет двадцати пяти выкатила на улицу тележку, доверху нагруженную тяжелыми пакетами с купленным товаром – коробками стирального порошка, туалетной бумагой, средством для посудомойки и всевозможными рождественскими сувенирами для родственников и друзей. Новенький, пятый «Фольксваген – гольф», подаренный на день рождения мужем, дожидался ее на стоянке перед супермаркетом. Женщина перегрузила пакеты в багажник, недовольно посмотрела на забрызганный грязью капот. Ужас, что за погода. Только вчера машина из мойки, и снова гнать надо.

К ней подскочил неопрятный мужичок с рюкзаком в руке и предложил приобрести щетки для авто. Родные, прямо из Германии, знакомый моряк привез. Цены дешевле, чем на рынке. Женщина отказалась, кошелек ее мужа позволял покупать нормальный товар в фирменных магазинах, а не у всяких сомнительных личностей.

Шопинг был ее основным увлечением. После посещения косметолога, конечно. А теперь, когда у нее появилась машина, увлечение перерастет в большое и сильное чувство. Женщина предпочитала для походов в магазин утренние часы, когда без толчеи и суматохи можно прогуляться вдоль стеллажей, спокойно рассмотреть товары, выпить кофе в кафе. «Планета» был одним из ее любимых магазинов хозяйственных товаров. Многие продавцы узнавали ее в лицо

и, приветливо улыбаясь, рассказывали о новинках и охотно советовали, какому брэнду отдать предпочтение. Естественно, у нее был максимальный дисконт, что делало посещение супермаркета особенно приятным. Странное дело – иногда она, не задумываясь, выкидывала на какую-нибудь безделушку три сотни долларов, но при этом радовалась, как дитя, что смогла сэкономить тридцать баксов. Наверно, для этого и придуманы дисконты. На рынке, например, нет никаких дисконтов, но разве там получишь удовольствие от суммы скидки на чеке?

Женщина уселась за руль, нежно закрыла дверь, подвела помадой губы, посмотревшись в салонное зеркало. Включила зажигание. Машина бесшумно завелась. Выезд загородила грязная «шестерка» с надписью «СИРОТА» во все заднее стекло. Женщина не поняла юмора, она не особо следила за событиями в стране и не знала, что «Жигули» шестой модели сняты с производства. Она посигналила, сирота освободил дорогу.

Дама проехала мимо входа, полюбовавшись елкой. Молодцы, не бездушно пластмассовое дерево поставили, а настоящее привезти не поленились. Не то, что в других магазинах.

Ехала она осторожно, права получила всего две недели назад. По дороге домой вспоминала, что забыла еще купить и в какие шопы успеет сегодня съездить. «Планета» располагалась довольно удачно. На выезде из города, но не далеко от их дома. Никаких пробок. Потом принялась прикидывать, какие конкурсы и розыгрыши устроит в новогоднюю ночь. Они с мужем решили не заказывать место в ресторане, а пригласить друзей домой. Это гораздо веселее, чем слушать казенные шутки и тосты нанятого ведущего или танцевать среди незнакомой публики. Никакого прикола.

Естественно, женщина не заметила, как следом за ней от супермаркета отъехала невзрачная «четверка» с треснутым лобовым стеклом и пристроилась метрах в тридцати. Дама въехала во двор, остановила машину возле подъезда. Дом был хороший, сталинский, но двор самый обычный, без охраны и шлагбаума, хотя муж предлагал жильцам установить пост. Но половина жильцов представляло рабочий класс, которому прятаться за шлагбаумами не от кого.

На ночь машину приходилось ставить на стоянку, находящуюся в полукилометре, а днем она бросала ее под окнами.

Чтобы не ходить туда-обратно, женщина решила поднатужиться и унести пакеты за один раз. Своя ноша не тянет, до лифта как-нибудь дотащит. Мужа совершал очередной подвиг, иначе она бы позвонила ему на мобильник, и он бы встретил.

Захлопнув багажник, она отряхнула джинсы, подняла пакеты и медленно направилась к подъезду.

Но сделать успела только пару шагов. Слева мелькнуло что-то темное, по форме напоминавшее бейсбольную биту, и в следующую секунду жестокий удар в висок опрокинул ее на снег. Женщина вскрикнула, но тут же в мозгу раздался щелчок, и картинка исчезла.

– Ключ в куртке! Да не здесь! В левом кармане!.. Быстрее!

Руки в матерчатых перчатках обшарили карманы лежащей без движения жертвы.

– По-моему, ты ее кончил. Насовсем.

– Да и хрен с ней! Шевелись, пока никого!

Парень достал ключ, пиликнул сигнализацией, «гольф» подмигнул фарами. Второй открыл дверь, бросил за заднее сидение биту и прыгнул за руль.

– Валим.

Окатив стену дома смесью снега и грязи, машина сорвалась с места и, свернув за угол, выскочила на проспект. Следом, но, уже не спеша, со двора выехала «четверка» с треснутым стеклом.

Возле дверей подъезда осталась лежать женщина. Рядом с ней валялись пять белых пакетов с эмблемой «Планеты-Хауз». Из одного вывалилась рыжая плюшевая собачка – символ наступающего Нового года.

* * *

В торговом зале вещала коммерческая радиостанция. Динамики были расставлены так, что музыка звучала в самых отдаленных от входа уголках зала. Соответствующий репертуар поднимал покупателям настроение. Раньше музыка ставилась по вкусу дежурного администратора, но управляющий решил, что все надо использовать с максимальной выгодой и заключил договор с одной из коммерческих радиостанций – ставить в эфире только ее волну. Взамен, станция бесплатно рекламировала «Планету». И магазину выгода и радиостанции – иные покупатели приходят в супермаркет часа на два, на три, иногда всей семьей, словно в театр, и все это время их сопровождает музыка и реклама, запускаемая в эфир конкретной станцией.

Чернакову эта музыка не очень нравилась, реклама еще больше, но, в отличие от охранников, он мог укрыться от радиостанции в кабинете. Сейчас, когда он обходил посты, гнали новости. Про газовый конфликт между Россией и Украиной. Потом перешли к спортивной теме – кого планирует приобрести «Зенит», вернее его генеральный спонсор «Газпром».

«Высший цинизм, – усмехнулся про себя Вячеслав Андреевич, – на деньги вырученные „Газпромом“ от поднятия цен на газ, купить для „Зенита“ украинского форварда Андрея Шевченко... Пусть играет в кубке УЕФА против киевского „Динамо“ или „Шахтера“...»

Народу для полудня было прилично, что, в общем-то, естественно – близятся праздники. Детективам приходится тяжеловато, хорошо бы пробить еще пару должностей. Предупреждающих табличек, что вас снимает скрытая камера нигде (кроме туалетов) не висело. Хотя, в теории, это должно нервировать потенциальных воришек и возбуждать желание жить честно. Но управляющий запретил их вешать. Мол, большинство покупателей – люди честные, и оскорблять их подозрением нельзя. Обидятся и перестанут ходить в магазин. По той же причине, сумки на входе сдавать было не обязательно. Конечно, имелась и камера хранения и объявление, с просьбой сдавать сумки, но если человек не желал сдавать, никто не мог его заставить. Заявит потом, что у него десять тысяч баксов в камере хранения пропало, и придется платить.

Никакой охранник, согласно законам демократии, не вправе обыскивать человека, выходящего с сумкой. Даже если сработает сигналка на «рамке», можно только вежливо предложить: «Простите, не покажете ли, пожалуйста, ворюга поганая, что у вас в сумочке? Сами. Не товар ли наш, случайно?» Но если человек откажется, то все – до свидания. Конституция. Гарант свобод. В том числе и свободы выноса из магазина итальянского средства для чистки унитазов.

Вячеслав Андреевич переживал все это весьма болезненно, с него требовали показатели, но при этом связывали руки.

Звонок мобильного застал его в отделе сантехники. Звонил Аршанский, заместитель управляющего по административно-хозяйственной части.

- Вячеслав Андреевич, поднимитесь, пожалуйста, к Леониду Леонидовичу.
- Что-нибудь случилось?
- Не знаю, он хотел бы с вами поговорить.
- Хорошо, иду.

Странно, управляющий супермаркета Леонид Леонидович Тагиров никогда не вызывал начальника службы безопасности. Все проблемы решал его Аршанский.

«Ху-ху-ху-е, я скачу по тебе...»

Кабинет управляющего находился на втором этаже. Окна выходили на зал, чтобы шеф мог наблюдать за полем боя. И менять тактику, если магазин терпел поражение. Через пару минут Чернаков предстал перед томными очами узкобедрой Тагировской секретарши и, получив разрешение, зашел в кабинет.

Над головой управляющего вместо традиционного портрета президента висела большая фотография упоминавшегося уже Сэма Уолтона, придумавшего в середине двадцатого века новую форму розничной торговли – супермаркеты. Леонид Леонидович Тагиров проповедовал в работе принципы этого, несомненно, достойного мужа. В частности под угрозой увольнения заставлял персонал, а особенно продавцов улыбаться и исполнять все прихоти покупателя. И даже устраивал проверки на улыбочивость, пользуясь тем, что не все продавцы знали его в лицо. Наденет курточку, возьмет корзинку и в зал. Подзовет новенького продавца и давай о каком-нибудь товаре расспрашивать. Да еще дотошно, да еще по пятому разу. И не дай Бог продавец раздражение выкажет. Свободен! Здесь не Франция, бастуй, не бастуй! А как не выказать? Работа тяжелая – к концу смены ноги свинцовые, поясница пластилиновая, рот от улыбки сводит. А тут еще бестолковые покупатели достают. Профсоюза у продавцов нет, жаловаться некому. Дабы они не устаивали коллективных мероприятий протеста, работникам одного отдела не рекомендовалось контактировать с коллегами из другого. Торгуешь люстрами, вот и торгуй, а в отделе сантехники тебе делать нечего.

Не улыбаться могли только промоутеры – консультанты тех или иных фирм, не состоящие в штате магазина, и охранники. А кассиры не только обязаны лыбиться, но и благодарить покупателей и приглашать за новыми покупками.

Как человек творческий, Тагиров постоянно экспериментировал с новыми способами торговли. Например, одно время работники магазина под видом покупателей выходили в зал и ненавязчиво рекламировали неликвидный товар. Например, муж с женой обсуждают, какой стиральный порошок взять? А тут советчик – берите вот этот, не пожалеете, я уже год им стираю, не нарадуюсь. И показывает на то, что плохо продается. На дерьмо, одним словом. Супруги тут же кладут неликвид в корзину – как не поверить незаинтересованному человеку? Но в последствие от затеи отказались, во-первых, пришлось расширять штат, а во-вторых, прибыль от затеи оказалась недостаточно высока.

Слава Богу, управляющий не рожал идей, связанных с охраной магазина и не устаивал «контрольные кражи». Хотя кто его знает? Может, и устраивал.

Сам он, к слову, никогда не улыбался.

– Проходите, Вячеслав Андреевич, присаживайтесь.

Аршанский тоже находился в кабинете. Значит, соврал, сказав, что не знает о причине вызова.

– Что-нибудь случилось?

Управляющий заглянул в раскрытую папку, лежавшую перед ним.

– Я получил распечатку по вчерашнему дню... У меня есть к вам ряд претензий.

Сказано было тоном отца, нечаянно заглянувшего в дневник оболтуса-сына.

– Я понимаю, когда из зала воруют мелочевку, с этим бороться сложно, но когда пропадает товар стоимостью десять тысяч... Да еще несколько наименований. И за один день. Это совершенно недопустимо.

– Что украли? – сухо спросил Чернаков.

– Пожалуйста. Два финских перфоратора, по девять тысяч каждый, утюг «Филипс» за четыре тысячи, набор английских ножей за три... Это, так сказать, что бросилось в глаза, полные данные будут позже. Согласен, вынести кусок мыла или набор шурупов можно без проблем. Но чтобы перфоратор? Объясните, куда смотрят ваши охранники?

– Вы уверены, что перфораторы просто не переложили на другой стеллаж?

Такое уже бывало.

– Уверен. Это штучный товар, продавцы знают, где он хранится.

– Продавец проверял исправность товара? И выписывал чек?

– Да... Оба чека были выписаны, но на кассе не оплачены.

– Мне надо побеседовать с продавцом, прежде чем разбираться с охранниками.

– Считаете, что продавец сам украл товар? – подал голос Аршанский.

– Не исключено.

– Я думаю иначе, – возразил Тагиров, – ведь здесь данные только за вчерашний день. Позавчера было еще хуже. Я не беспокоил вас, думая, что это случайность...

– Предпраздничные дни, – парировал Вячеслав Андреевич, – покупателей впятеро больше, чем в обычное время.

– Наплыв покупателей бывает перед каждым Новым годом, но, раньше так не воровали.

Папа от созерцания дневника перешел к воспитательному процессу. Пока на словах. Но ремешок уже расстегивал.

– За вчерашний день у нас было четыре задержания, – оправдался «двоечник».

Хотите, чтобы ловили больше, добавьте хотя бы одну единицу. Я давно об этом прошу. Двух детективов на смену явно не хватает. Двенадцать тысяч рублей в месяц для «Планеты» пустяк.

– Может, проще их заменить?... Им надо поменьше пить кофе и болтать с продавщицами.

Это был откровенный поклеп, мужики пахали, как могли, а с продавщицами болтали для поднятия боевого духа.

– Мои люди не нарушают спортивный режим, – мрачно ответил Чернаков.

– Почему ж такие результаты?

– Леонид Леонидович, даже самые умелые детективы не решат проблемы. У них не рентген вместо глаз. Вы же знаете, охранники не имеют права обыскивать покупателей. Мало того, если видят, как кто-то прячет товар под одежду или в сумку, должен пресечь это на месте, а не ждать, когда тот пройдет через контроль. Иначе сам загремит на нары.

Чернаков не сочинял. Уголовный кодекс твердо стоял на защите чести, достоинства и свободы преступного элемента, как и должно быть в цивилизованном обществе.

– Послушайте, Вячеслав Андреевич, – перебил управляющий, – я же не прошу вас, например, договариваться с дилерами по поводу поставок паркета или решать вопросы с санитарной инспекцией или пожарными. У вас свой круг задач, вот и выполняйте их добросовестно.

Чернаков ненавидел подобную демагогию. Он ее в милиции наслушался до рези в ушах, когда какой-нибудь идиот начальник приказывал – иди и раскрой заказное убийство, а каким образом, меня не волнует. Но с такого начальника и взять нечего. А Тагиров же далеко не дурак. Для красного словца ничего не болтает.

Впрочем, шеф, видимо, угадав мысли начальника службы безопасности, тут же добавил:

– Подготовьте за сегодня перечень дополнительных мероприятий и что надо от нас для их решения. Мы постараемся обеспечить вас всем необходимым. Бумагу передадите Илье Романовичу. Мне копию.

– Хорошо, – кивнул Чернаков, прикидывая, что, кроме расширения штата, можно потребовать от управляющего.

«Требую у Государственной Думы разрешить расстрел пойманного с поличным без суда и следствия под елкой или в витрине».

– Вы, конечно, в курсе, что в апреле мы открываем еще два магазина в городе?

– В курсе.

– Учредителям не все равно, кто будет их охранять. Доверие, как известно, надо заслужить. Ударным трудом.

– Мы постараемся.

– Идите работать. Я надеюсь, подобных краж больше не случится.

«Иначе папу вызовут в школу и размажут по стене».

Когда Чернаков вышел из кабинета, Тагиров повернулся к Аршанскому.

– Ну и что тебя смущает, Илья? Он прав – перед праздниками всегда больше проблем. Надо, действительно добавить им единицу.

– Может, лучше сменить фирму? «Забота» не самая сильная охранная контора. В городе есть гораздо мощнее. Я не уверен, что они смогут обеспечить порядок, когда мы расширятся.

– Посмотрим, – Тагиров подошел к окну и окинул зал наполеоновским взором, – они работают с нами пять лет, и пока особых претензий не возникало. Лучше иметь дело с поверенным партнером, пусть и не таким сильным. К тому же учредители вряд ли согласятся без веских причин.

– Хорошо, – у зама было такое лицо, будто ему отказала женщина, которую он обхаживал целых пол года.

Он поднялся со стула.

– погоди, – остановил его управляющий, вернувшись к столу и, нахмурившись, взяв лист со списком фамилий, – вот продавцы, которые вчера не улыбались. Возьми объяснительные и предупреди, чтобы впредь такого не было. У нас работают только приветливые люди.

– Это обязательно?

– Конечно! – с фаллической твердостью ответил Леонид Леонидович.

– Хорошо, сделаю, – во всю челюсть улыбнулся Аршанский.

Спустившись в зал, Чернаков поговорил со старшим продавцом, выписывавшем накануне перфораторы. Продавец, долговязый тридцатилетний очкарик работал вчера в вечер. Оба инструмента он проверил после восьми часов, данные, как и положено, забил в компьютер, но через кассу товар не прошел, а обратно его не вернули. Сегодня несоответствие всплыло. Покупателей продавец помнил смутно, что и понятно, за день их проходят сотни. Кажется, один из инструментов купила женщина. Полная, лет сорока. То ли в зеленой, то ли в серой дубленке.

Версию, что дрели мог помыть сам продавец, Вячеслав Андреевич отверг. Парень трудился в «Планете» давно и ни в чем подобном ранее не замечался. Вообще, Чернаков старался относиться к персоналу с доверием, хотя по западной статистике, примерно тридцать-сорок процентов краж совершают сами работники магазинов. Но если это принять за истину, то получается, что здесь работают сплошные шаромыжники и сброд. Да, персонал ворует, бывает, но не каждый же третий! Своих, к слову, тоже «прозванивали». После окончания смены все, от уборщиц до бухгалтеров проходили через специальную рамку на служебном выходе. Конечно, она не давала полной гарантии, но чисто психологическое воздействие оказывала.

Некоторые продавцы грешили игрой с уценками, но тоже не часто. Если какой-нибудь товар определенное время не продавался, его уценивали процентов на двадцать, если снова не уходил – еще на двадцать и так далее, до чисто символической цены. Так вот после первой уценки коварный торговец снимал товар с продажи и прятал где-нибудь на складе или другом стеллаже. В день, когда работала уценочная комиссия, незаметно выставлял его на прилавок. Потом снова прятал. На последней стадии звонил какому-нибудь родственнику, и тот покупал новую вещь за треть, а то и четверть реальной стоимости. А плохо ли микроволновку или стиральную машинку за бесценок поймать? И оправдание есть – во-первых, зарплата не ахти, а во-вторых, вся страна левачит, начиная от водителей маршруток и заканчивая космонавтами.

С этим позорным явлением тоже была обязана бороться служба безопасности, но некоторые охранники и сами были не прочь приподняться на уценках.

– У женщины полная тележка была, – вспомнил продавец, – набор стекла, кажется, скалтерть, лампочки... Я еще удивился, что она перфоратор берет, да еще такой навороченный. Их обычно мужики покупают.

– Надо было предупредить охранника.

– Кто ж знал?

Чернаков вспомнил про Пингвина. Он тоже приперся в начале девятого. Не исключено, его работа. Старый прием. Засветиться на входе, потом болтаться по залу. Толик Бушуев, есте-

ственно, все силы на него бросил. А пингвиновские дружки в это время спокойно дрели вынести. Ничего сложного. Бирку оторвал, под дубленку сунул или в сумку и иди спокойно. И никто не обыщет. А попросишь сумочку показать, хай поднимут. Несколько раз охранники требовали прошедших кассу граждан предъявить, что у них в сумках. В девяносто процентах случаев следовал скандал. А какой-то ушлый адвокат подал на «Планету» в суд за оскорбление подозрением и превышение охраной служебных полномочий. После этого охранники и не пытались осматривать подозрительные сумки, а уж тем более залезать под пальто или куртки. Себе дороже. Не звенит рамка, и скатертью дорога.

– Узнал бы женщину, если бы снова увидел?

– Наверное.

Чернаков нашел Бушуева, рассказал о вызове к Тагирову.

– Странно, – согласился детектив, – ну, подумаешь, товара уперли больше, чем обычно. Праздники же. Что, Аршанский сам не мог нам предъяву сделать? Это же его вопросы.

– То-то и оно...

– Лучше бы людей дали. Я вчера два часа за одним гавриком ползал, и мимо кассы. Честным, сволочь, оказался.

– Пингвин, похоже, не просто так заходил. Если снова объявиться, бросайте его, и все силы на других. Хотя какие там силы... Попробуй, уследи за всеми. Хоть весь магазин камерами облепи.

– Согласен. «Планета» не подвальный шоп. И народу сейчас, как в метро в час пик.

– Тагиров предложений ждет, как работу улучшить. А какие тут предложения?

Людей добавить, да шмон разрешить, – Чернаков раздраженно посмотрел в зал, уже превратившийся в галдящий человеческий муравейник. Пятница, многие берут отгулы и бегут по магазину, чтобы не толкаться в очередях в выходные дни.

– Может, попросить рентгеновскую установку поставить? Как в аэропортах. И всех потихому просвечивать.

– Ага. До первого демократа... Ладно, пойду к себе. Работай.

Чернаков поднялся в кабинет, включил компьютер и уставился в экран, прикидывая, чтобы такого попросить у начальства, кроме кадров и прав. К «бумагообороту» он испытывал стойкую ненависть, еще с милицеской скамьи, но ненависть к делу не подошьешь.

* * *

Виктор Сергеевич Харламов работал детективом в «Планете» третий год, считаясь ветераном производства. Как и большинство сотрудников «Заботы-сервис», он когда-то носил серые погоны с красными просветами. Но едва стукнул рубежный пенсионный возраст, написал рапорт, несмотря на уговоры начальства остаться еще на годик-другой. В прошлой, ментовской жизни он служил в Оперативно-поисковом управлении, закрытой конторе, промышленной разведкой, различными негласными, но богоугодными мероприятиями, в том числе и скрытым наблюдением, проще говоря – филерством. Именно ему и посвятил себя Виктор Сергеевич, официально для окружающих числясь курьером в какой-то липовой строительной фирме. И в супермаркете продолжил практику, без которой, наверное, уже себя и не представлял. О его профессионализме говорил хотя бы тот позорный факт, что спустя три года никто из персонала, за редким исключением, не знал о том, что он детектив «Планеты». Человек толпы – неприметный, среднестатистический, местами выпивающий. (А кто без этого?!) Приходил в магазин, брал корзинку и гулял по залу. Но чаще сидел перед мониторами в кабинете старшего смены. И заметив неладное, работал в живую, не полагаясь на камеры. Не один, даже самый осторожный воришка, пока не смог «срубить» старого «топтуна». Чернаков дорожил таким кадром и при первой возможности выписывал ему негосударственную премию.

У детективов иногда случались проколы, но в обратную сторону – когда нормального покупателя принимали за жулика. Но, как правило, Харламов не ошибался.

На дамочку в кроличьей шубе он обратил внимание, едва та вошла в зал. Большую хозяйственную сумку в камеру хранения не сдала. Сразу за турникетом располагался отдел для садоводов. Сейчас здесь торговали елочными украшениями и хлопушками, но кое-что из старого ассортимента все же оставили. Мало ли в магазин заглянут гости с южных краев и захотят купить какой-нибудь инвентарь для своего сада-огорода. Дамочка не выглядела приезжей. Она решительно подошла к первому попавшемуся стеллажу, и переложив в корзину пару расписных глиняных горшков, причем, даже не рассматривая их, как это обычно делают женщины. Некоторые по часу возле какой-нибудь копеечной вазочки стоят, мучаясь – брать, не брать. А тут сразу, без раздумий и на ценник не взглянула.

Быстро в следующий отдел. И так же, практически не выбирая, загрузила в корзину набор для ванной комнаты – настенную мыльницу, вешалку и кольцо для полотенца. Такие вещи и мужики подолгу рассматривают – подойдут ли к интерьеру? А здесь ни на секунду не задержалась, словно на самолет опаздывала. Может, конечно, и вправду опаздывала. Свою сумку, естественно, бросила в корзину.

Харламов переключил камеру. Женщина исчезла из монитора и через секунду возникла у следующего стеллажа. Что-то спросила девушку-продавца и взяла несколько бутылок с чистящим средством. Покатила тележку в следующий отдел.

Виктор Сергеевич накинул куртку, нацепил шапку-петушок, повесил на руку корзину с заранее загруженной в нее мелочью и быстро вышел в зал. Кошки-мышки. Начинаем.

Когда через минуту он, словно тень прилип к дамочке, та прибавила к покупкам в несколько рулонов обоев. При этом тоже не выбирала, что уже совсем неправдоподобно. За последующие десять минут гражданка почти доверху нагроутила корзину совершенно разношерстным товаром и, в конце концов, остановилась у витрины со столовой посудой. Показав на подарочный набор вилок-ножей-ложек, уточнила у девушки-продавца страну-производителя. Услышав ответ, попросила выписать. Дорогие, малогабаритные вещи находились за стеклом и выдавались продавцами по просьбе посетителя магазина. Набор стоил прилично – пять с лишним тысяч. Продавец достала коробку, проверила ее содержимое и выписала чек. Дамочка отправилась дальше, в сторону небольшого кафе, расположенного в противоположной от входа стороне, рядом с отделом офисной мебели.

На Харламова, постоянно трущегося рядом, она не обращала никакого внимания. Зашла в кафе, бросив тележку перед входом среди других таких же тележек, заказала стакан сока и уселась возле аквариума с диковинными рыбами.

Виктор Сергеевич, несмотря на умение отличить честного человека от засранца, засомневался, что гражданка замышляет огорчить хозяев «Планеты», но решил не бросать наблюдения. Лучше ошибиться в плюс, чем в минус. Напарника Толика Бушуева подключать не стал. С Толиком у него не складывалось – молодой, а гонору, как у Наполеона. Считает, что «опушники»⁷ только строят из себя профессионалов, нежели ими являются. Всем подряд рассказывал, что как-то, работая по раскрытию одного убийства, их отдел подключил «наружку». Задача была плевой – пропасти обычного воспитателя детского сада, молодую особу, имевшую связь с одним беглым душегубом. Вызвали ее к себе, накачали капитально, застращали и выпустили, рассчитывая, что она прямиком к душегубу побежит. «Наружку» следом пустили. Так дамочка через пол часа перезвонила в отдел и заявила: «Тут какие-то люди подозрительные за мной ходят. Если это ваши, то пусть ходят, не жалко, а если не ваши, то скажите, куда мне заявить, чтобы они отстали». И это обычный воспитатель, не преступник какой... Тоже мне, профессионалы. Виктор Сергеевич ничего доказывать не стал – в любой организации есть

⁷ Опушник – сотрудник Оперативно-поискового управления.

дилетанты. Лично себя он профаном не считал. И когда его срубали, в обязательном порядке, как настоящий профессионал, напивался, дабы унять боль и горечь поражения.

Женщина сосала сок минут пять, рассматривая зал через стекло, затем надела шубу и покинула кафе. Нагнулась к тележке, переложила с места на место коробки с порошками, проверяя, ничего ли не забыла купить. После быстро оглянулась, и, убедившись, что на нее никто не таращится, сунула столовый набор в свою сумку, перед этим ловко срезав миниатюрным ножиком бирку со штрих-кодом и выкинув ее на пол. Оставив тележку возле кафе, решительно направилась к кассе, повесив сумку на плечо, так, чтобы она не бросалась в глаза, а находилась за спиной.

– Юра, встречай. Беременная женщина, – Харламов поднес ко рту небольшой микрофон, – лет тридцать, брюнетка, кроличья шуба, клетчатая сумка.

Виктор Сергеевич никак не мог отвыкнуть говорить зашифровано. Вдруг враг прослушивает эфир?

– Понял. Встречаю.

Женщина задержалась возле кассира.

– С наступающим... Я ничего не купила, можете посмотреть, – она взялась за молнию на сумке.

– Не надо, – улынулась кассирша, – вас тоже с наступающим. Заходите еще.

Молодой охранник на «рамке» пристально разглядывал нижнее дамское белье, развешенное на витрине небольшого ларька-бутика, стоявшего слева от входа. Гораздо пристальней, чем покупателей. Тяжелая у парнишки работа.

Путь свободен. Спасибо за покупку.

Дама прошмыгнула через рамку.

Пи-пи-пи...

«Что такое?! Почему?! Бирка же срезана! Черт! Видимо, была еще одна! Хотя она проверяла...»

Бирка действительно была. Только не в коробке и не на вилках. В руке у охранника. Главное, в нужный момент незаметно поднести ее к лучу. Старый способ, но не потерявший своей прелести в силу простоты. К слову, если детектив ошибся, можно так же незаметно прилепить бирочку к одежде или пакету покупателя, после чего извиниться. Мол, вы, нечаянно какой-нибудь товар зацепили, вот бирочка и приклеилась, просим прощения за беспокойство.

– Минуточку...

Второй охранник тут же встал перед раздвижной дверью, отрезая путь к бегству.

Зараза! Шухер! Остается один выход. Когти к бою!

– Вы ничего не забыли оплатить?

– Вообще-то, я ничего не покупала.

– Вы не покажете, что у вас в сумке?

– А с чего это я должна показывать? Это моя сумка, у меня личные вещи...

Интимные.

– Пожалуйста, пройдемте в комнату администратора, – опасаясь, что дамочка пустится наутек, – охранник взял ее за рукав.

Женщина резка одернула руку.

– Не смейте прикасаться ко мне! Никуда я не пойду! Я опаздываю! Меня муж на улице ждет! Он из ФСБ!

– Покажите сумку, женщина, – охранник слегка усилил натиск, взявшись за «Г-образную» дубинку, висевшую на поясе.

– Вы не имеете права! Вы что меня бить собрались?!

– Мы не бьем женщин. Только шокер...

Второй страж был менее деликатным. Что и понятно, когда-то он работал дежурным офицером в отделе милиции и принимал заявки от граждан. И если когда-то получил приличное воспитание, то за время службы его полностью растерял. Он подошел к даме, без церемоний открыл молнию на сумке, и запустил туда руку.

– Грамотная больно...

– Как вы смеете?

– Смею... Это что такое?

– Это я купила в другом магазине! На Петроградке! Можете у мужа спросить! – женщина вцепилась в коробку – отдайте!

– Чек есть?

– Выкинула! Я не обязана хранить чеки!

– Ну, все, блин, знают! – ухмыльнулся бывший дежурный, – наши люди.

Затем нагнулся к дамочке и жестко прошептал:

– Что, парашу давно не нюхала? Быстро в «аквариум»!⁸ Тьфу ты, к администратору!

Не дав закипеть возмущенному женскому разуму, он вырвал у нее набор и указал на ближайшую от рамки дверь.

– Мне надо к мужу! – поняв, что наглостью проблему не решить, дама попыталась удрать.

Но молодой охранник перегородил дорогу к бегству.

– Не волнуйтесь. Мы только убедимся, что набор ваш. Это займет не больше трех минут. Поймите правильно, сработал датчик, мы обязаны проверить. Прошу. В случае ошибки мы принесем вам свои извинения. Но вы сами виноваты, надо было сдать сумку в камеру хранения!

⁸ «Аквариум» (жарг.) – помещение для задержанных при дежурных частях отделов милиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.